

К вопросу об особенностях понятия и роли юридической техники в развитии пенитенциарного права на современном этапе

ВИКТОРИЯ ВИКТОРОВНА КАРПУНИНА

Воронежский институт ФСИН России, Воронеж, Россия, vikavi5@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5201-7395>

Реферат

Введение: в современных условиях развития нашего государства требуются новые подходы к понятию и инструментарию юридической техники. Широкий подход к понятию юридической техники значительно увеличивает сферу ее ответственности, осуществляя выход за рамки исключительно внешней обработки правовых актов, обеспечивая внутреннюю согласованность и социальную обусловленность норм права. В этой связи реализация инструментальных возможностей юридической техники может оказать положительное влияние на развитие новых отраслей права, в частности пенитенциарного права. *Методы:* принципы диалектико-материалистического познания, требующие объективного и всестороннего изучения предмета в совокупности его противоречивых сторон, а также комплекс общенаучных (анализ, синтез, индукция и дедукция) и частно-правовых (формально-юридический) методов. *Цель:* анализ прикладных возможностей широкого подхода к юридической технике как технике правового регулирования в формировании и развитии пенитенциарного права как относительно самостоятельной отрасли современного российского права. *Выводы:* в состав юридической техники как техники правового регулирования непосредственно включаются нормативные и процедурные технико-юридические средства (приемы), они позволяют обеспечить совершенствование законодательства, необходимый уровень его социальной эффективности. Повышение социальной эффективности уголовно-исполнительного права неотделимо от идей и ценностей гуманизации исполнения уголовных наказаний. Укрепление этой тенденции в совокупности с постепенным расширением предмета уголовно-исполнительного права создает необходимые предпосылки для формирования относительно новой отрасли пенитенциарного права, обусловленной появлением либо обновлением редакции уголовно-исполнительного кодекса либо принятием пенитенциарного кодекса. Формулируются конкретные предложения по совершенствованию как действующих правовых институтов, так и новых институтов, появление которых позволило бы обоснованно вести речь о пенитенциарном праве.

Ключевые слова: юридическая техника; правовое регулирование; отрасль права; пенитенциарное право; законодательство; нормы права.

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.

Для цитирования: Карпунина В. В. К вопросу об особенностях понятия и роли юридической техники в развитии пенитенциарного права на современном этапе // Пенитенциарная наука. 2024. Т. 18, № 4 (68). С. 358–366. doi 10.46741/2686-9764.2024.68.4.002.

Original article

Describing the Specifics of the Concept and Role of Legal Technique in the Development of Penitentiary Law at the Present Stage

VIKTORIYA V. KARPUNINA

Voronezh Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Voronezh, Russia, vikavi5@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5201-7395>

Abstract

Introduction: modern conditions of the development of our state require new approaches to the concept and tools of legal technique. A broad approach to the concept of legal technique significantly increases the scope of its responsibility, going beyond the exclusively external processing of legal acts, ensuring internal consistency and social conditionality of the norms of law. In this regard, the implementation of instrumental capabilities of legal technique can have a positive impact on the development of new branches of law and, in particular, penitentiary law. *Methods:* principles of dialectical-materialistic cognition, requiring an objective and comprehensive study of the subject in the totality of its contradictory sides, as well as a set of general scientific (analysis, synthesis, induction and deduction) and private legal (formal legal) methods. *Purpose:* to analyze applied possibilities of a broad approach to legal technique as a technique of legal regulation in the formation and development of new penitentiary law as a relatively independent branch of modern Russian law. *Conclusion:* the composition of legal technique as a technique of legal regulation directly includes normative and procedural technical and legal means (techniques), which help improve legislation and its social effectiveness. Improving social effectiveness of penal law is inseparable from the ideas and values of humanizing the execution of criminal penalties. Strengthening of this trend, combined with gradual expansion of the subject of penal law, create the necessary prerequisites for the formation of a relatively new branch of penitentiary law, the emergence of which is possible with the advent of either an updated version of the Penal Code or with the adoption of the Penitentiary Code. The article presents concrete proposals to improve both existing and new legal institutions, the emergence of which would make it possible to reasonably talk about penitentiary law.

Keywords: legal technique; legal regulation; branch of law; penitentiary law; legislation; norms of law.

5.1.1. Theoretical and historical legal sciences.

For citation: Karpunina V.V. Describing the specifics of the concept and role of legal technique in the development of penitentiary law at the present stage. *Penitentiary Science*, 2024, vol. 18, no. 4 (68), pp. 358–366. doi 10.46741/2686-9764.2024.68.4.002.

Введение

На современном этапе развития юридической науки прослеживается отчетливая тенденция широкого понимания юридической техники. В основе этого подхода лежит представление о юридической технике как технике правового регулирования. Следует заметить, что еще в начале XX в. западноевропейские ученые рассматривали технику в тесной связи с правом и правовым регулированием. Так, Г. И. Муромцев акцентирует внимание на следующих подходах к этому явлению: в работах И. Колера, Ж. Рипера отражается взгляд на технику как искусство адаптации абстрактных принципов к правовой жизни; В. Штаммлер обращает внимание на связь техники с интеллектуальной стороной правотворчества, развитием научных концепций и систематизации права; Л. Дюги, Р. Демог воспринимают технику как инструментальное явление, совокупность средств и процедур, обеспечивающих достижение правовых целей [1, с. 16–17].

Исследователи также указывают на неразрывный характер права, техники и регулирования, при этом рассматривая технику в качестве средства достижения определенных целей, в числе которых наиболее общей является установление и поддержание порядка в обществе [2, с. 7].

В восприятии юридической техники наблюдается определенный возврат к истокам. Исходные подходы, сформулированные в начале XX в., оказываются весьма актуальными и в XXI в. Как представляется, одним из важных следствий широкого понимания юридической техники является стремление уйти от формально-догматического восприятия права, увидеть в нем «живой» регулятор, который может и дол-

жен подстраиваться под ритм общественных потребностей и интересов. Иными словами, юридическая техника выступает тем инструментом, который обеспечивает социальную обусловленность и развитие права, его совершенствование.

Юридическая техника как средство формирования пенитенциарного права

Формирование новых отраслей права – это довольно сложный процесс, во многом определяемый объективными законами общественного развития. В этой связи отрасль права представляет собой устойчивое образование, которое в меньшей степени зависит от усмотрения государства и его должностных лиц, нежели содержание какого-либо закона.

В отношении пенитенциарного права в юридической науке высказаны полярные взгляды. Одни ученые (А. М. Бобров, Н. А. Мельникова) считают преждевременным утверждать о появлении пенитенциарного права. Их аргументация строится вокруг тезиса об отсутствии самостоятельного предмета и метода регулирования, поэтому ни в настоящее время, ни в отдаленной перспективе нет оснований выделять пенитенциарное право в качестве новой отрасли или подотрасли права [3].

Отчасти указанные авторы правы. В настоящее время утверждать о существовании самостоятельного предмета и метода пенитенциарного права, качественно отличающихся от предмета и метода уголовно-исполнительного права, было бы ошибкой. Однако считаем, что А. М. Бобров, Н. А. Мельникова заблуждаются в том, что исключают саму возможность появления пенитенциарного права как самостоятельной отрасли. Как минимум, эта точка зрения носит дискуссионный характер в силу непрерывности обще-

ственного и государственного развития, поэтому исключать постепенную эволюцию уголовно-исполнительного права в право пенитенциарное нельзя. Кроме того, особенности современной уголовной и уголовно-исполнительной политики непосредственно содержат предпосылки, способствующие образованию соответствующего нормативного комплекса. На содержании этих особенностей остановимся чуть позднее.

Обратим внимание на то, что термин «пенитенциарное право» постепенно входит в оборот юридической науки. Отдельные ученые допускают прямую аналогию пенитенциарного и уголовно-исполнительного права (Р. Б. Головкин [4, с. 25], В. А. Уткин [5, с. 70]). Другие исследователи отмечают, что в настоящее время допустимо вести речь о существовании комплексного явления. Так, С. М. Оганесян считает, что пенитенциарное право следует рассматривать в качестве комплексной отрасли права [6]; по мнению Р. А. Ромашова, следует вести речь о межотраслевой нормативной общности [7].

В основе широкого подхода лежит идея комплексного регулирования, в соответствии с которым предмет пенитенциарного права включает в себя элементы других отраслевых образований. Например, Р. А. Ромашов утверждает, что пенитенциарные отношения имеют общий объект – пенитенциарную среду. Именно такая особенность позволяет говорить о пенитенциарном праве как межотраслевой нормативной общности, объединяющей как специализированные правовые акты, так и акты, имеющие опосредованное отношение к пенитенциарным коммуникациям [8, с. 242]. Именно поэтому «в нормативную общность пенитенциарного права, наряду с нормами и институтами уголовно-исполнительного права, входят нормы уголовного, уголовно-процессуального, конституционного, административного, гражданского, трудового права и других отраслей» [9, с. 215].

На наш взгляд, позиция Р. А. Ромашова справедлива лишь отчасти. Прежде всего, следует сказать о дискуссионности самого феномена межотраслевой нормативной общности. Нет ясности в вопросе о статусе, особенностях и месте этой общности в системе российского права. Непонятно, следует ли ее рассматривать в качестве межотраслевого института либо комплексной отрасли права. Последнее понятие было подвергнуто обоснованной критике в российской юриспруденции и не получило широкого распространения, в отличие от понятия «комплексный институт».

Комплексные институты довольно распространены в российском праве, простейшим из них является институт собственности. В этой связи позволим себе высказать предположение, уточняющее представление о пенитенциарном праве как межотраслевой нормативной общности. Пенитенциарное право включает в себя уголовно-исполнительное право, а также ряд комплексных институтов, состоящих из норм различных отраслей права. Таким образом, следует вести речь о постепенном расширении предмета уголовно-исполнительного права, количественные

изменения на определенном этапе могут привести к качественному скачку в виде появления пенитенциарного права.

В настоящее время характерной особенностью пенитенциарных правоотношений и формирующегося пенитенциарного права является их комплексность, о чем справедливо пишет Р. А. Ромашов. В этой связи хотелось бы отметить, что пенитенциарные правоотношения могут служить правообразующим фактором для развития уголовного права, появления и развития отдельных составов. Например, в соответствии со ст. 321 УК РФ уголовно наказуемыми являются действия осужденных, связанные с причинением вреда жизни и здоровью другим осужденным, совершенные в целях воспрепятствовать их исправлению. Иными словами, исправление и воспитательная работа как важнейшие ориентиры уголовно-исполнительного законодательства обеспечиваются мерами уголовно-правового характера. Установление ответственности является прямым следствием того, что противодействие воспитательному процессу имеет серьезное дезорганизующее значение для деятельности учреждений уголовно-исполнительной системы.

Представляется, что комплексный характер предмета формирующегося пенитенциарного права оказывает соответствующее влияние и на метод регулирования. Как известно, под методом регулирования понимается совокупность приемов и способов воздействия на общественные отношения, при этом метод регулирования считается дополнительным критерием образования соответствующей отрасли.

Действующее уголовно-исполнительное право, а соответственно и пенитенциарное право как его возможный преемник, регулирует не только процесс отбывания уголовного наказания, но и ряд иных отношений (в частности, трудовые, образовательные отношения). Следует отметить, что, в отличие от диспозитивного метода, используемого в трудовом праве, действующее уголовно-исполнительное законодательство основывается на императивных началах, поскольку содержит запрет прекращать работу для разрешения трудовых конфликтов, при этом отказ от работы или прекращение работы являются злостным нарушением (ст. 103 и 116 УИК РФ). Аналогичный подход можно встретить при анализе метода правового регулирования. В частности, ст. 108 УИК РФ устанавливает обязательность профессионального обучения или среднего профессионального образования для осужденных, не имеющих профессии (специальности), по которой они могут работать в исправительном учреждении.

Таким образом, метод регулирования трудовых и образовательных отношений существенно отличается от метода, соответственно, трудового и образовательного права. Приведенный пример позволяет высказать суждение о справедливости позиции Р. А. Ромашова, подчеркивающего комплексный характер пенитенциарных правовых отношений.

Использование специфического технико-юридического инструментария позволяет обеспечить специфику в содержании предмета и метода правового

регулируемого. Прежде всего, эта специфика проявляется в характере используемых правовых конструкций и правовых предписаний.

На наш взгляд, комплексный характер регулируемых действующим уголовно-исполнительным правом общественных отношений содержит в себе предпосылку для дальнейшего развития и расширения предмета уголовно-исполнительного права. Эта тенденция имеет устойчивый характер и в обозримом будущем может способствовать появлению пенитенциарного права как полноценной отрасли российского права. Важная роль в этом процессе отводится юридической технике.

На современном этапе происходит усиление гуманистических начал в практике исполнения уголовных наказаний. Роль юридической техники заключается в пересмотре отдельных положений действующего уголовно-исполнительного законодательства в части повышения гарантий прав и законных интересов осужденных. Следует обратить внимание на то, что действующая Концепция развития уголовно-исполнительной системы закрепляет в качестве одной из целей повышение эффективности обеспечения прав лиц, содержащихся под стражей и отбывающих наказания. При этом устанавливаются довольно конкретные меры, улучшающие положение указанных лиц. В частности, предполагается увеличение количества свиданий осужденных с родственниками, а также посылок, телефонных разговоров; предусматривается реализация права подозреваемых, обвиняемых и осужденных на отправление и получение электронных писем, электронное обращение к уполномоченным по правам человека; планируется создания доступной среды для инвалидов, а также увеличение норм вещевой довольствия, питания, жилой площади.

Реализация указанных шагов характеризует гуманистическую направленность пенитенциарной политики. В этой связи справедливы рассуждения Р. А. Ромашова о том, что наказание следует воспринимать не как кару, которая демонстрирует мощь и безжалостность государства в отношении маленького человека, а как наказание, способствующее осознанию вины за совершенное преступление и деятельное раскаяние. Иными словами, пенитенциарное право – это не просто терминологическое «переобувание» привычного нам названия уголовно-исполнительного права, а мировоззренческие изменения, связанные с восприятием, созданием и реализацией технико-юридического инструментария правового регулирования пенитенциарных отношений. При этом поменяться должны не только нормы, но и отношение к ним, а равно и к их адресатам.

Таким образом, масштабные изменения пенитенциарного законодательства невозможны без осмысленного использования юридической техники. Следует также отметить, что роль техники не должна сводиться лишь к оформлению государственной воли. Функциональное предназначение юридической техники заключается в оптимизации и совершенствовании законодательства.

Важным предназначением юридической техники является устранение различного рода дефектов. К

примеру, Ю. П. Колесникова указывает на существование таких дефектов, которые связаны с определением статуса субъектов, неверной идентификацией объекта, установлением оснований юридически значимых последствий, а также несоответствием закрепляемых последствий [10, с. 45–48].

Вместе с тем требуется не только устранять существующие дефекты, но и развивать действующие институты, а в ряде случаев формировать новые. На необходимость использования юридической техники для уточнения содержания норм уголовно-исполнительного законодательства указывает О. В. Демидова [11, с. 30–31].

Обратим внимание на то, что широкий подход к понятию юридической техники связан с восприятием ее в качестве средства реализации правовой логики. Понятие последней не имеет однозначной трактовки, нам ближе позиция В. К. Бабаева [12, с. 20], который включает в общее понятие логики права формальную и диалектическую логику, тем самым в основе правовой логики лежат объективные государственно-правовые закономерности. Подробный анализ этих закономерностей связан с характеристикой содержательных правил юридической техники, однако в силу объема статьи и характера предмета рассмотрения анализ этих закономерностей в контексте взаимодействия логики права и юридической техники представляется излишним.

Понимание юридической техники как техники правового регулирования актуализирует вопрос ее состава, иными словами, необходимо проанализировать технико-юридический инструментарий, с помощью которого осуществляются совершенствование и развитие пенитенциарного права.

Технико-юридический инструментарий совершенствования пенитенциарного права

По мнению М. Л. Давыдовой, в состав юридической техники следует включать технико-юридические средства (приемы) и правила. Интерес представляет идея включения в состав инструментария нормативных (правовые предписания) и доктринальных (понятия, дефиниции, классификации) [2, с. 26], содержательных (направлены на выбор варианта регулирования, его корректное закрепление и реализацию) и процедурных элементов (различные процедуры юридической деятельности, которые способны существенно повысить ее качество) [2, с. 28].

Как представляется, осуществить исчерпывающий обзор технико-юридического инструментария крайне проблематично. В этой связи акцент будет сделан лишь на некоторых из них.

В числе относительно новых технико-юридических средств, использование которых необходимо для дальнейшего развития пенитенциарного права, отметим понятие «добросовестность отбывания уголовного наказания». В действующем уголовно-исполнительном законодательстве указанное понятие не содержится. Вместе с тем отдельные институты тесно связаны с ним. В частности, речь идет о злостном уклонении от отбывания наказания. Это понятие используется по отношению к обязательным работам (ст. 30 УИК РФ), штрафу (ст. 32 УИК РФ), исправитель-

ным работам (ст. 46 УИК РФ), ограничением свободы (ст. 58 УИК РФ), однако по непонятным причинам отсутствует применительно к лишению свободы.

Как представляется, исполнение наказания связано с активным исполнением осужденным тех или иных обязанностей, вытекающих из характера уголовного наказания. В отношении лишения свободы физическое нахождение лица в границах учреждения еще не может указывать на отбывание наказания в смысле добросовестного выполнения возложенных на него обязанностей.

К сожалению, в настоящее время систематическое совершение нарушений, в том числе и злостных нарушений установленного режима, не может квалифицироваться как злостное уклонение от отбывания лишения свободы. Фактически можно вести речь о закреплении сугубо формального подхода к процессу отбывания уголовного наказания. Вместе с тем формирование пенитенциарного права как права, основывающегося на гуманитарной парадигме, наряду с гарантиями прав осужденных должно основываться и на сбалансированной системе обязанностей, основой которых могла бы выступить презумпция их добросовестного исполнения.

Закрепление в законодательстве понятия «добросовестность отбывания уголовного наказания» могло бы иметь следующую форму: «Исполнение уголовного наказания осуществляется осужденными добросовестно. Период уклонения от выполнения обязанностей, установленных соответствующим уголовным наказанием, не может быть засчитан в срок отбывания уголовного наказания». Следует оговориться и сказать, что конкретные признаки, указывающие на уклонение от отбывания лишения свободы, требуют отдельного рассмотрения. На наш взгляд, требуется проведение отдельных исследований, направленных на определение конкретных видов и форм проявления уклонения от отбывания наказания. Можно высказать предположение, что указанные формы связаны с систематическим совершением злостных нарушений установленного режима отбывания наказания. Однако вопрос о том, должен ли факт признания осужденного злостным нарушителем с неизбежностью влечь вывод о том, что он уклоняется от отбывания наказания, остается открытым и требует отдельного анализа. Вместе с тем законодательное закрепление указанного понятия послужило бы выработке единого подхода к организации исполнения уголовных наказаний.

Кроме того, презумпция добросовестности могла бы внести ясность в вопрос об условности либо безусловности замены неотбытого наказания более мягким. По мнению М. Р. Баласанова, условный характер применения замены наказания является эффективным способом устранения неоправданно льготного положения лиц, злостно уклоняющихся от отбывания заменяющего наказания [13, с. 192]. Иными словами, если осужденный недобросовестно относится к отбытию более мягкого наказания, чем лишение свободы, то должен быть механизм возвращения исходного уголовного наказания.

В числе заслуживающих внимания технико-юридических средств развития пенитенциарного права можно назвать преюдицию. Д. С. Даланов справедливо указывает на необходимость законодательного закрепления пенитенциарной преюдиции [14, с. 33].

Ярким примером нормативных технико-юридических средств служат правовые конструкции, которые не только организуют и систематизируют правовое регулирование, но и сами выступают в качестве правового предписания. Например, важной конструкцией является признание осужденного злостным нарушителем установленного режима отбывания наказания. В настоящее время основания и порядок признания осужденного злостным нарушителем регламентируются ст. 116 УИК РФ. Хотелось бы обратить внимание на два технико-юридических недостатка существующей правовой конструкции. Во-первых, факт признания находится в непосредственной зависимости от вида наказания, а не личности осужденного и характера допущенного им нарушения. Во-вторых, конструкция не предусматривает механизма снятия с осужденного статуса злостного нарушителя.

Считаем, что указанный пробел следует устранить. Необходимо учитывать, что признание осужденного злостным нарушителем не является мерой наказания, однако может приводить к определенным негативным последствиям для осужденного в виде изменений условий содержания, перевода в тюрьму, установления административного надзора после освобождения. В этой связи считаем, что признание осужденных злостными нарушителями должно осуществляться исключительно за совершение ими наиболее опасных нарушений режима. Кроме того, в случае отсутствия нарушений установленного режима в течение года статус злостного нарушителя должен быть с осужденного снят. Эта мера позволит повысить мотивацию осужденных к исправлению и отказу от нарушений режима отбывания наказания.

К относительно самостоятельному направлению совершенствования пенитенциарного права следует отнести развитие его процедурно-процессуальной природы. Обратим внимание на то, что уголовно-исполнительное право занимает промежуточное положение между нормами процессуального и материального права. С одной стороны, уголовно-исполнительное право содержит нормы, закрепляющие порядок отбытия наказания, с другой – процессуальная сторона выражена недостаточно, нет четких стадий, которые бы были отделены одна от другой. Правовые процедуры уголовно-исполнительного права, не имея процессуальной природы, фактически оказываются материально-правовыми. Однако полноценная характеристика уголовно-исполнительного права в качестве отрасли материального права также проблематична, поскольку она (по крайней мере, в настоящее время) является производной от отрасли уголовного права и предназначена логически завершить механизм охранительных правоотношений.

Действующая модель УИК РФ преимущественно тяготеет к модели кодекса материального права, поскольку отдельных процедурно-процессуальных элементов не содержит. В этой связи примечате-

лен Приказ Минюста России от 04.07.2022 № 110 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы» (далее – приказ Минюста России № 110). Указанный подзаконный акт фактически определяет многочисленные процедуры порядка исполнения уголовного наказания, связанные с получением осужденными посылок, реализацией права на свидание, выходом на работу, приемом пищи, приобретением продуктов питания, оказанием дополнительных платных услуг, проведением обысков, изъятием запрещенных предметов, а также рядом иных вопросов. Более того, помимо собственно процедурных норм, приказ содержит и материальные нормы, касающиеся правового статуса осужденных, в частности перечисляет их основные права и обязанности.

Как представляется, предмет регулирования данного приказа выходит за рамки подзаконного уровня, по своей роли и значению этот акт вполне может быть охарактеризован как «закон в материальном смысле слова». В этой связи стоит обратить внимание на содержание ст. 2 УИК РФ, которая в ч. 1 закрепляет, что уголовно-исполнительное законодательство состоит из кодекса и иных федеральных законов, а в ч. 2 содержит перечень отдельных правовых порядков, относящихся к предмету уголовно-исполнительного законодательства (порядок и условия исполнения и отбывания наказаний, применения средств исправления осужденных; порядок деятельности учреждений и органов, исполняющих наказания; порядок освобождения от наказания; порядок оказания помощи освобождаемым лицам).

Таким образом, формально в соответствии со ст. 2 УИК РФ приказ Минюста России № 110 не может быть включен в состав уголовно-исполнительного законодательства, хотя фактически роль и значение этого акта сопоставимы с самим УИК РФ. Выходом из сложившихся формальных противоречий может быть включение процедурных норм в УИК РФ. Безусловно, это приведет к увеличению объема кодекса, однако обеспечит большую стабильность регулирования, а также изменит практику превалирования роли подзаконного регулирования. Вопрос об отнесении отдельных процедур к уровню законодательного, а не подзаконного регулирования должен стать предметом отдельного рассмотрения.

Считаем возможным вести речь о постепенной эволюции уголовно-исполнительного права как смежной материально-процессуальной отрасли в сторону полноценной процессуальной отрасли права за счет появления четких, формализованных и отделенных друг от друга правовых стадий. В настоящее время имеются к этому определенные предпосылки. Как минимум можно вести речь о двух крупных стадиях: 1) отбывание наказания; 2) наблюдение за лицом, отбывшим уголовное наказание.

Если в отношении первой вопросов не возникает, то относительно второй могут возникнуть возражения: лицо отбыло наказание, а значит, пенитен-

циарное право «теряет связь с этим лицом». Однако это представляется неверным. Во-первых, следует указать на действующий в настоящее время институт административного надзора как превентивную меру, обусловленную как степенью общественной опасности лица, ранее совершившего преступление, так и характером пенитенциарных правоотношений, участником которых он являлся (в частности, речь идет о признании осужденного злостным нарушителем, что указывает на существенные либо многочисленные нарушения режима, допущенные им в период отбывания наказания). Во-вторых, законом о probationi предусматривается оказание помощи отдельным категориям осужденных.

Считаем справедливым высказывание В. Н. Чорного о том, что предмет уголовно-исполнительного законодательства не должен ограничиваться регулированием средств исправления осужденных как цели уголовного наказания. Эта отрасль законодательства должна стать ресоциализационной отраслью, «включать регулирование тех отношений, которые возникают у осужденного как субъекта, отбывшего наказание, но сохраняющего в течение судимости ограничительный правовой статус» [15, с. 28]. Иными словами, пенитенциарное право как «ресоциализационное право», в интерпретации В. Н. Чорного, должно сохранять свое влияние на лиц до момента погашения судимости. С позицией исследователя солидарен и В. Е. Южанин, отмечающий, что расширение предмета уголовно-исполнительного права возможно лишь в пределах сроков судимости [16, с. 36]. Тенденции расширения предмета уголовно-исполнительного права придерживается также А. Я. Гришко, который полагает, что отношения, связанные с административным надзором за лицами, освобождающимися из мест лишения свободы, также относятся к предмету уголовно-исполнительного права [17, с. 89].

Полагаем, что действующий в настоящее время институт административного надзора может быть дополнен институтом административного наблюдения, предусматривающим возможность для государства получить информацию о лице (как минимум о месте жительства и работы), отбывшем уголовное наказание, до момента погашения судимости.

Внимание и наблюдение за лицами, освобожденными либо отбывшими уголовное наказание, обуславливается следующими статистическими данными Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. Так, в 2023 г. 99 891 чел. совершил преступления при различных видах рецидива; досрочно были освобождены и совершили преступления 13 894 чел.; совершили преступление, не отбыв уголовное наказание, – 111 161 чел.; 216 521 чел. имели неснятые или непогашенные судимости на момент судебного рассмотрения дела [18]. Указанные цифры наглядно иллюстрируют то, что после выхода из исправительного учреждения пенитенциарные правоотношения не должны прекращаться.

Хотелось бы также обратить внимание на то, что в ряде случаев происходит своеобразное замещение технико-юридических средств. Например, А. Л. Сантатов и соавторы высказывает интересное пред-

положение об изменениях юридической техники в связи с реализацией идеи гуманизма. Так, аксиома общественной опасности лица замещается специфической презумпцией в связи с исключением воспитательных колоний усиленного режима для несовершеннолетних осужденных, ранее отбывавших лишение свободы [19, с. 108–109].

В завершение хотелось бы отметить, что технико-юридический инструментарий может быть использован и для повышения уровня социальной обусловленности норм. Экономика России нуждается в притоке рабочих рук и одним из средств, решающих эту задачу, является такой вид наказания, как принудительные работы. В частности, В. И. Селиверстов указывает, что в исправительных центрах, согласно результатам той же переписи, трудом обеспечены 97,6 % осужденных [20, с. 44]. Вместе с тем наблюдается негативная тенденция, связанная с назначением данного вида наказания. Фактически доля осужденных к принудительным работам по приговору суда оставалась почти неизменной [20, с. 45]. В соответствии со статистическими данными Судебного департамента в 2023 г. принудительные работы были назначены в отношении 15 342 чел. [21].

В. И. Селиверстов обращает внимание на то, что основным тормозом для назначения судьями принудительных работ является предусмотренный в УК РФ «экзотический» порядок назначения принудительных работ, требующий дополнительной аргументации у суда при назначении данного вида наказания [20, с. 46].

Как представляется, действующее ограничение дискреции судей в части назначения принудительных работ носит избыточный и алогичный характер. Содержащаяся в ч. 1 ст. 53.1 УК РФ оговорка об альтернативности принудительных работ лишению свободы

представляется избыточной, также считаем неоправданным установление порядка назначения принудительных работ, содержащегося в ч. 2 ст. 53.1 УК РФ. Считаем, что обоснованию подлежит лишь возможность назначения дополнительного наказания. Если же наказание относится к числу основных, то требование его обоснования является чрезмерным и подлежит исключению. В этой связи необходимо признать утратившими силу ч. 1, 2 ст. 53.1 УК РФ, снятие излишних ограничений предоставит судам больше возможностей по назначению принудительных работ.

Заключение

В рамках настоящей статьи была предпринята попытка показать, насколько важно интерпретировать юридическую технику как технику правового регулирования. Роль юридической техники недопустимо сводить лишь к внешним атрибутам правовых актов, обеспечению их «внешней красоты». Юридическая техника связана с внутренними глубинными процессами регулирования в целом, отражает закономерности и логику правового регулирования.

В этом контексте юридическая техника предназначена обеспечить социальную и юридическую эффективность законодательства, а также его соответствующие изменение и развитие, закономерным итогом которых может стать появление относительно новой отрасли пенитенциарного права.

Формирование пенитенциарного права как самостоятельной отрасли находится в тесной зависимости от использования юридической техники в части как совершенствования существующих, так и формирования новых правовых институтов. В этой связи особое внимание следует обращать не только на формальные, но и содержательные, процедурные, доктринальные и нормативные технико-юридические инструменты.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Муромцев Г. И. Юридическая техника (некоторые теоретические аспекты) // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2000. № 1. С. 9–20.
2. Теория и метатеория юридической техники: от правосознания к правопорядку : моногр. / под ред. А. В. Аверина, М. Л. Давыдовой. Владимир, 2022. 242 с.
3. Бобров А. М., Мельникова Н. А. Есть ли основания выделять пенитенциарное право в системе российского права? // Пенитенциарная наука. 2022. Т. 16, № 2 (58). С. 118–126.
4. Головкин Р. Б. Пенитенциарное право: некоторые аспекты теории и практики его действия // Пенитенциарное право: юридическая теория и правоприменительная практика. 2014. № 1 (1). С. 25–32.
5. Уткин В. А. Отечественная наука уголовно-исполнительного права: очерк истории // Уголовная юстиция. 2017. № 9. С. 69–77.
6. Оганесян С. М. Пенитенциарная система государства: историко-теоретический и правовой анализ : дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2005. 554 с.
7. Ромашов Р. А. Уголовно-исполнительное и пенитенциарное право: теоретические аспекты понимания и соотношения // Вестник Самарского юридического института. 2015. № 3. С. 69–73.
8. Ромашов Р. А. Пенитенциарное право: феноменология и системность // Пенитенциарная наука. 2022. Т. 16, № 3 (59). С. 234–244.
9. Ромашов Р. А. Поощрительные санкции в нормах пенитенциарного права // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2014. № 4. С. 213–224.
10. Колесникова Ю. П. Отдельные юридико-технические дефекты уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства, влияющие на деятельность учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания // Вестник Кузбасского института. 2019. № 4. С. 42–49.
11. Демидова О. В. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации: проблемы формализации правовых норм // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2022. № 3. С. 25–34.
12. Бабаев В. К. Советское право как логическая система : учеб. пособие. М., 1978. 211 с.

13. Баласанов М. Р. Условный характер применения замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания как путь совершенствования данного института уголовного права // *Пенитенциарная наука*. 2023. Т. 17, № 2 (62). С. 186–195.
14. Даланов Д. С. К вопросу о понятии пенитенциарной преюдиции // *Человек: преступление и наказание*. 2011. № 2. С. 30–34.
15. Чорный В. Н. Тенденции развития уголовно-исполнительного права в современных условиях // *От исправительно-трудового права к уголовно-исполнительной отрасли : материалы междунар. науч.-практ. семинара*. Рязань, 2006. С. 25–29.
16. Южанин В. Е. Соотношение целей и задач уголовного закона, наказания и его исполнения // *Пенитенциарная наука*. 2023. Т. 17, № 1 (61). С. 30–38.
17. Гришко А. Я. Уголовно-исполнительный закон будущего: направления реформирования // *Юридическая наука и правоохранительная практика*. 2014. № 4. С. 88–93.
18. Отчет о характеристике преступления, его рецидива и повторности по числу осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса РФ за 12 месяцев 2023 года. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=8690> (дата обращения: 21.04.2024).
19. Санташов А. Л., Герасимова Е. В., Ласточкин А. Н. О средствах законодательной техники в уголовном и уголовно-исполнительном праве (статический и динамический аспекты) // *Журнал прикладных исследований*. 2023. № 9. С. 104–110.
20. Селиверстов В. И. Принудительные работы: перспективы, пределы и риски развития // *Пенитенциарная наука*. 2024. Т. 18, № 1 (65). С. 43–50.
21. Отчет о числе привлеченных к уголовной ответственности и видах уголовного наказания за 12 месяцев 2023 года. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=8690> (дата обращения: 21.04.2024).

REFERENCES

1. Muromtsev G.I. Legal technique (some theoretical aspects). *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie = News of Higher Educational Institutions. Law Studies*, 2000, no. 1, pp. 9–20. (In Russ.).
2. *Teoriya i metateoriya yuridicheskoi tekhniki: ot pravosoznaniya k pravoporyadku: monogr.* [Theory and metatheory of legal technique: from legal awareness to law and order: monograph]. Ed. by Averin A.V., Davydova M.L. Vladimir, 2022. 242 p.
3. Bobrov A.M., Mel'nikova N.A. Is there any reason to single out penitentiary law in the system of Russian law? *Penitentsiarnaya nauka = Penitentiary Science*, 2022, vol. 16, no. 2, pp. 118–126. (In Russ.).
4. Golovkin R.B. Penitentiary law: some aspects of the theory and practice of its operation. *Penitentsiarnoe pravo: yuridicheskaya teoriya i pravoprimenitel'naya praktika = Penitentiary Law: Legal Theory and Law Enforcement Practice*, 2014, no. 1(1), pp. 25–32. (In Russ.).
5. Utkin V.A. Domestic science of penal enforcement law: an essay on history. *Ugolovnaya yustitsiya = Russian Journal of Criminal Law*, 2017, no. 9, pp. 69–77. (In Russ.).
6. Oganesyans S.M. *Penitentsiarnaya sistema gosudarstva: istoriko-teoreticheskii i pravovoi analiz: dis. ... d-ra yurid. nauk* [penitentiary system of the state: historical, theoretical and legal analysis: Doctor of Sciences (Law) dissertation]. Saint Petersburg, 2005. 554 p.
7. Romashov R.A. Penal and penitentiary law: the theoretical aspects of understanding and relationship. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta = Bulletin of the Samara Law Institute*, 2015, no. 3, pp. 69–73. (In Russ.).
8. Romashov R.A. Penitentiary law: phenomenology and consistency. *Penitentsiarnaya nauka = Penitentiary Science*, 2022, no. 3, pp. 234–244. (In Russ.).
9. Romashov R.A. Incentive sanctions in the norms of penitentiary law. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie = News of Higher Educational Institutions. Law Studies*, 2014, no. 4, pp. 213–224. (In Russ.).
10. Kolesnikova Yu.P. Certain legal and technical defects of criminal, criminal procedure and criminal executive legislation affecting the activities of institutions and bodies executing criminal penalties. *Vestnik Kuzbasskogo instituta = Bulletin of the Kuzbass Institute*, 2019, no. 4, pp. 42–49. (In Russ.).
11. Demidova O.V. Criminal Executive Code of the Russian Federation: problems of formalization of legal norms. *Vedomosti ugolovno-ispolnitel'noi sistemy = Bulletin of the Penal System*, 2022, no. 3, pp. 25–34. (In Russ.).
12. Babaev V.K. *Sovetskoe pravo kak logicheskaya sistema: ucheb. posobie* [Soviet law as a logical system: study guide]. Moscow, 1978. 211 p.
13. Balasanov M.R. Conditional nature of the application of the substitution of the unserved part of punishment with a milder penalty as a way to improve this criminal law institution. *Penitentsiarnaya nauka = Penitentiary Science*, 2023, vol. 17, no. 2, pp. 186–195. (In Russ.).
14. Dalanov D.S. On the question of the concept of penitentiary prejudice. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie = Man: Crime and Punishment*, 2011, no. 2, pp. 30–34. (In Russ.).
15. Chorny V.N. Trends in the development of penal enforcement law in modern conditions. In: *Ot ispravitel'no-trudovogo prava k ugolovno-ispolnitel'noi otrasli: materialy mezhdunar. nauch.-prakt. seminara* [From correctional labor law to the penal branch: materials of international scientific practice workshop]. Ryazan, 2006. Pp. 25–29. (In Russ.).
16. Yuzhanin V.E. Correlation of goals and tasks of criminal law, punishment and its execution. *Penitentsiarnaya nauka = Penitentiary Science*, 2023, vol. 17, no. 1, pp. 30–38. (In Russ.).
17. Grishko A.Ya. Penal law of the future: directions of reforming. *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika = Legal Science and Law Enforcement Practice*, 2014, no. 4, pp. 88–93. (In Russ.).
18. *Otchet o kharakteristike prestupleniya, ego retsidiva i povtornosti po chislu osuzhdennykh po vsem sostavam prestuplenii Ugolovnogo kodeksa RF za 12 mesyatsev 2023 goda* [Report on the characteristics of the crime, its recidivism and recurrence by the number of convicts for all crimes of the Criminal Code of the Russian Federation for 12 months of 2023]. Available at: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=8690> (accessed April 21, 2024).

19. Santashov A.L., Gerasimova E.V., Lastochkin A.N. On the means of legislative technique in criminal and penal enforcement law (static and dynamic aspects). *Zhurnal prikladnykh issledovaniy = Journal of Applied Research*, 2023, no. 9, pp. 104–110. (In Russ.).

20. Seliverstov V.I. Forced labor: prospects, limits and risks of development. *Penitentsiarnaya nauka = Penitentiary Science*, 2024, vol. 18, no. 1, pp. 43–50. (In Russ.).

21. *Otchet o chisle privlechennykh k ugolovnoi otvetstvennosti i vidakh ugolovnogo nakazaniya za 12 mesyatsev 2023 goda* [Report on the number of persons brought to criminal liability and types of criminal punishment for 12 months of 2023]. Available at: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=8690> (accessed April 21, 2024).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ВИКТОРИЯ ВИКТОРОВНА КАРПУНИНА – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса Воронежского института ФСИИ России, Воронеж, Россия, vikavi5@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5201-7395>

VIKTORIYA V. KARPUNINA – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, associate professor at the Department of Civil Law and Process of the Voronezh Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Voronezh, Russia, vikavi5@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5201-7395>

Статья поступила 25.04.2024

